

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Статья посвящена возникновению и развитию концепции восстановительного правосудия, а также процедуре медиации как одному из способов реализации данной концепции.

Ключевые слова: восстановительное правосудие, медиация, уголовное правосудие.

Упрощенные (ускоренные) формы производства по уголовному делу в том или ином виде существуют во всех странах мира. Неизбежность упрощения досудебных и судебных процедур осознается многими российскими теоретиками, включая и тех, кто эту идею поддерживает не в полной мере. [1, с. 10–11] Становится очевидным, что российский законодатель уже встал на путь реформирования уголовного процесса в данном направлении (ст. 25, 28 УПК РФ и др.). Это подтверждается в том числе одними из последних изменений в УПК РФ и УК РФ, внесенных ФЗ от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ.

Однако представляется, что законодатель должен обратить свое внимание не просто на упрощенные процедуры (ярким примером такой процедуры является так называемое сокращенное дознание, которым с недавних пор хотят дополнить УПК), а на социально насыщенные формы отправления правосудия по уголовным делам, к которым в полной мере относится восстановительное правосудие. О восстановительном правосудии далее и пойдет речь.

Теоретические аспекты восстановительного (альтернативного) правосудия

К альтернативным процедурам относятся процедуры, которые позволяют расследовать преступления, привлекать виновных лиц к ответственности, посредством отличных от классических схем правосудия. Чаще всего такие альтернативные формы позволяют достичь целей правосудия быстрее, экономичнее традиционных методов. Но мы бы хотели отметить, что альтернативные методы являются еще и социально насыщенными: использование различных программ реинтеграции для освободившихся из мест свободы, восстановление мирных отношений между жертвой и преступником, максимально возможное участие гражданского общества в отправлении правосудия и т. д. Можно утверждать, что квинтэссенцией альтернативных процедур является медиация, которая позволяет сторонам конфликта «лицом к лицу» обсудить криминальную ситуацию. Международные стандарты определили восстановительную медиацию как «процесс, в котором медиатор создает условия для восстановления способности людей понимать друг друга и договариваться о приемлемых для них вариантах разрешения проблем (при необходимости о заглаживании причиненного вреда), возникших в результате конфликтных или криминальных ситуаций» [2].

---

* © Шестакова Л.А., 2012

Шестакова Любовь Александровна (lyuboshestakova@yandex.ru), кафедра уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1

Концепция восстановительного правосудия, обоснованная в трудах разработчиков первых программ примирения жертв и преступников, Ховарда Зера [3] и Нильса Кристи (США), в том или ином виде реализуется во многих странах. В России проблемами восстановительного правосудия занимаются в основном психологи, философы, социологи. Это связано с тем, что оно выходит за рамки традиционно понимаемого уголовного процесса. Среди российских авторов, которые активно продвигают идеи восстановительного правосудия, можно отметить Л.М. Карнозову, Р. Максудова [4], А. Великоцкую [5, с. 67]. Среди диссертационных исследований можно указать работу А.П. Гуськовой. Этим автором был сделан принципиальный вывод о том, что лицо, совершившее преступление, и его жертва, безусловно, являются двумя «жизненно важными» центрами, вокруг которых должна вращаться вся машина уголовного судопроизводства. Автор также считает, что нельзя отрицать необходимость предоставления жертве преступления и правонарушителю в случае их добровольного согласия возможности с помощью беспристрастной третьей стороны (посредника) принять активное участие в разрешении проблем, возникших в результате преступления [6, с. 10–12.]

Отметим, что основу концепции восстановительного правосудия составила теория воссоединяющего стыда Джона Брейтуэйта. Автор задался целью разработать криминологическую концепцию, позволяющую эффективно прогнозировать рост преступности и способствовать выработке механизмов для уменьшения числа совершаемых преступлений. «Внушение чувства стыда по воссоединяющей модели (внушение чувства воссоединяющего стыда) предполагает, что за общественным порицанием следуют попытки реинтегрировать правонарушителя в общину законопослушных граждан посредством церемоний прощения или снятия девиантного обозначения. Внушение чувства стыда и воссоединение с общиной происходят не одновременно, но последовательно; причем воссоединение происходит до того, как девиантность успевает приобрести характер основного статуса человека. Это такое внушение чувства стыда, в рамках которого клеймят порочность поступка, но не личность преступника как хорошую по своей сути. В соответствии с христианской традицией, призывающей «ненавидеть грех, но возлюбить грешника», этот процесс направлен на то, чтобы указать не на порочного человека, но на дурные деяния. Внушение чувства стыда за преступное поведение дополняется постоянным вознаграждением за иные поведенческие примеры», — пишет автор [7, с. 152, 154].

Другой разработчик концепции восстановительного правосудия, Х. Зер, считает, что главной целью восстановительного (альтернативного) правосудия является не воздаяние, а восстановление состояния сторон до преступления. Именно действия по восстановлению, а не дополнительный вред смогут создать необходимый противовес вреду, нанесенному преступлением. Конечно, нельзя гарантировать полное восстановление, но подлинное правосудие должно поставить себе целью создание условий, в которых этот процесс мог бы начаться. Первоочередной целью правосудия должно быть возмещение ущерба и исцеление пострадавших [3, с. 218–219]. По мнению этого автора, опыт работы примирительных конференций подтверждает возможность установления таких отношений.

Х. Зер также отмечает, что: «Правосудие должно «проживаться», а не только «пассивно претерпеваться». Когда объявляют, что правосудие свершилось и пора идти домой (пострадавшим) или в тюрьму (преступникам), мы не ощущаем это как прожитый опыт правосудия. Правосудие же, которое мы действительно проживаем, которое становится нашим актуальным опытом, — не всегда приятное испытание, но мы знаем, что оно свершилось при нашем участии, мы не были его

пассивными объектами. Необходимо, чтобы в суде не просто состоялось правосудие, но и опыт участия в нем. Посредничество между пострадавшим и преступником (victim-offender mediation) является таким подходом к правосудию, который удовлетворяет приведенным выше требованиям» [3, с. 240].

Возможная модель использования восстановительных процедур в уголовном процессе России

Поскольку медиация по уголовным делам в России не проводится, нами была изучена опубликованная практика использования медиации в уголовном процессе зарубежных стран [8], а также проведено анкетирование правоприменителей и ученых-юристов по специально разработанной анкете «Возможности использования медиационных процедур в уголовном процессе России». Полученные результаты опроса свидетельствуют о том, что большинство респондентов видят возможным использования медиации в том или ином виде в рамках уголовного процесса. Не более 4 респондентов высказалось резко отрицательно о внедрении альтернативных процедур в уголовный процесс России. 46 % респондентов указали, что применение медиации в уголовном процессе будет способствовать снятию постпреступных переживаний и восстановлению мира, 33 % отметили, что медиация может повлечь несоблюдение принципов уголовного процесса. 49 % респондентов указали, что медиация по уголовным делам должна применяться по делам небольшой и средней тяжести, а 12 % опрошенных сказали, что допускают применение медиации по тяжким и особо тяжким делам. На вопрос о том, кем должен быть посредник при проведении процедур медиации, 66 % респондентов уверены, что им должен быть медиатор. Остальные варианты ответа на этот вопрос («адвокатом», «дознавателем», «следователем», «прокурором», «судьей») не набрали больше 10 %. На вопрос о том, на какой стадии приемлемо проводить медиацию, каждый вариант ответа («до возбуждения уголовного дела», «на стадии предварительного расследования», «на стадии судебного разбирательства», «на всех стадиях») набрал чуть больше 20 %. Авторское предложение внести изменения в ст. 144 УПК и сделать возможным продление срока проверки сообщения о преступлении до 30 дней при выраженном в письменной форме согласии сторон на проведение медиации поддержали 37 % респондентов (см. рис. 1–6).

География анкетирования

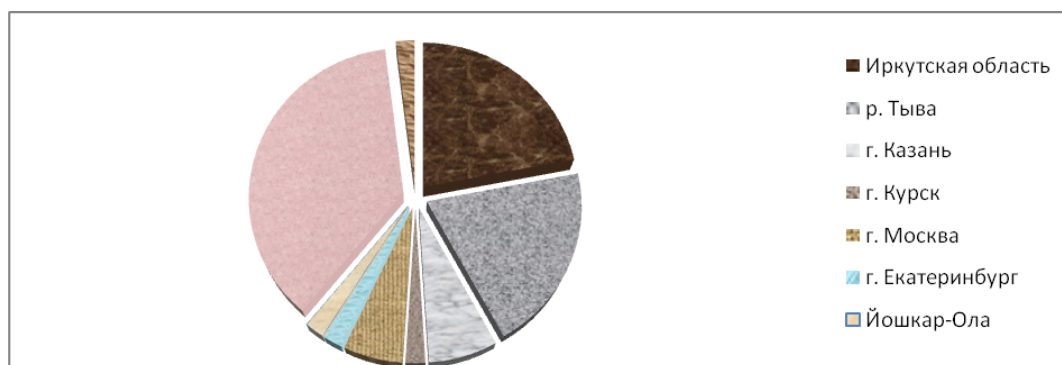

Рис. 1

Применение медиации в уголовном процессе

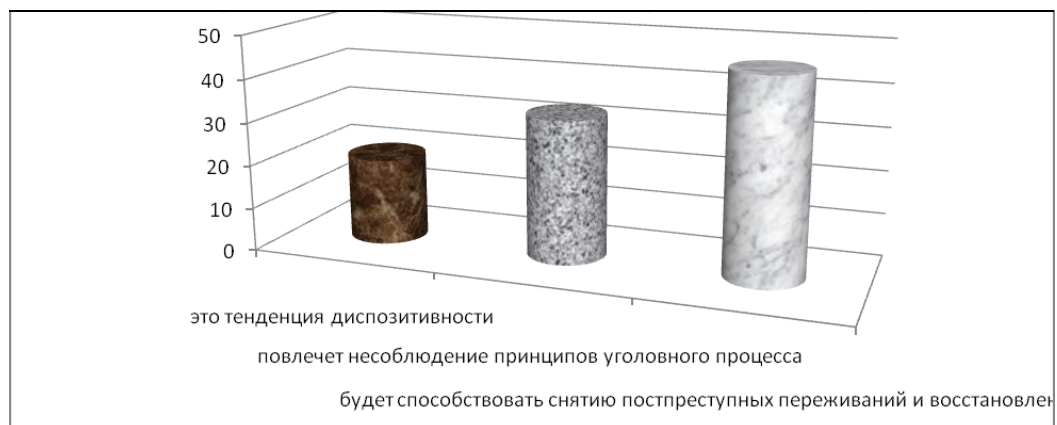

Рис. 2

Медиация по уголовным делам должна применяться

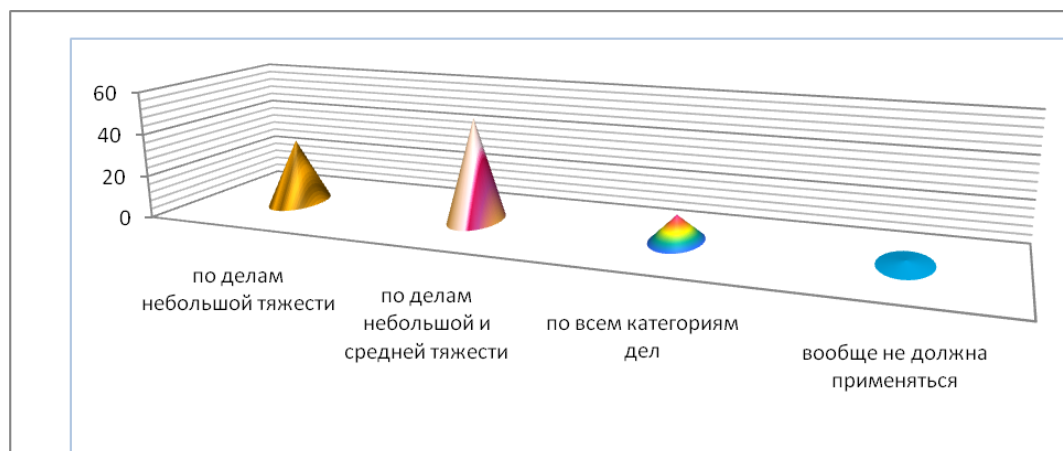

Рис. 3

Кем должен быть посредник при проведении примирительных процедур?

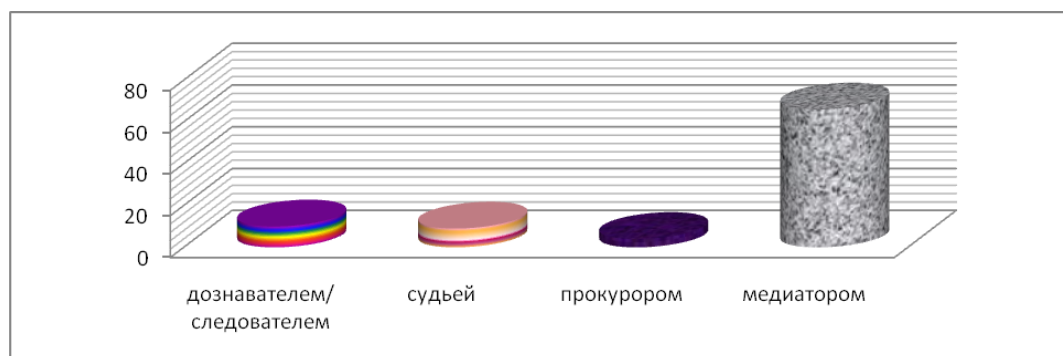

Рис. 4

**На какой стадии уголовного процесса
вы считаете приемлемым использование медиации?**

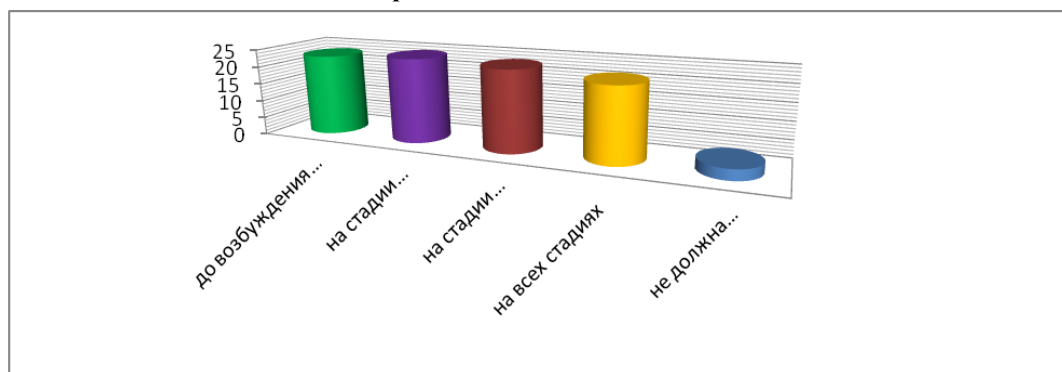

Рис. 5

**Необходимо ли внести изменения в ст. 144 УПК РФ, в соответствии
с которыми при выраженном в письменной форме согласии сторон
на проведение медиации, срок проверки сообщения о совершенном
или готовящемся преступлении продлевается до 30 суток?**

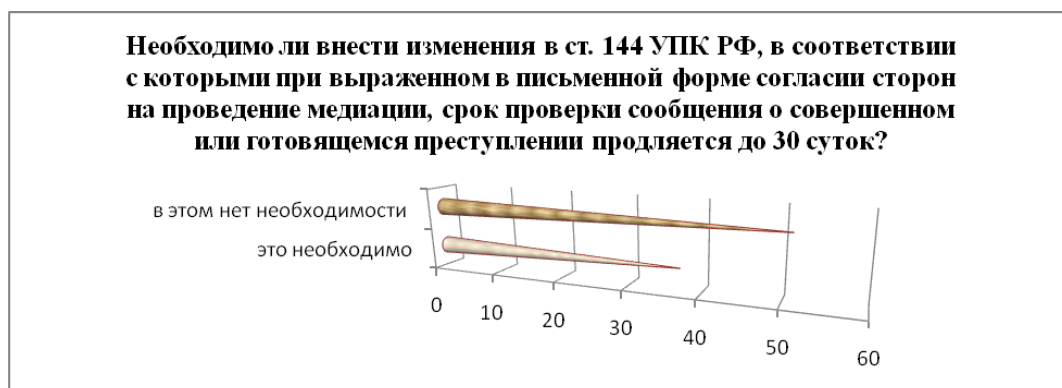

Рис. 6

На основе проведенного нами исследования считаем, что изменения в УПК РФ должны вноситься с учетом следующего:

1) Система права состоит не из равнозначных и абсолютно независимых отраслей права,

а из взаимосвязанных и непосредственно входящих в нее как в сложную систему. Взаимозависимости между различными отраслями права [9, с. 10–17] в науке получили название «генетических связей». Уголовное право и уголовно-процессуальное право представляют собой отрасли криминального цикла. Многие институты указанных отраслей взаимосвязаны (например, ст. 25 УПК РФ и 76 УК РФ), поэтому внесение изменений в кодифицированные акты соответствующих отраслей должно быть единовременным, а также с учетом внутренней системы УК и УПК РФ. Однако последние изменения в УПК РФ производятся без учета таких «генетических связей». Введение отдельных статей для прекращения уголовного преследования по конкретным составам преступлений является упречным со стороны законодательной техники. Дальнейшая модернизация УПК и УК РФ повлечет необоснованно увеличение в объеме этих кодексов;

2) В науке уголовного процесса, как известно, выделяются два принципа, на которых

может быть построено должное уголовное преследование. Один из них – принцип законности, который предполагает, что компетентное должностное лицо обязано возбуждать уголовное преследование в каждом случае совершения преступления вне зависимости от каких бы то ни было иных соображений. Данное теоретическое положение находит свое отражение в ч. 2 ст. 21 УПК РФ, согласно которой в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные законом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления.

Второй принцип – принцип целесообразности, в соответствии с которым лицо, уполномоченное возбуждать уголовное преследование, имеет право в каждом отдельном случае оценить целесообразность и необходимость возбуждения дела. Иначе говоря, у должностного лица есть возможность отказаться от возбуждения преследования по «причинам, не являющимся юридическими и не связанными с недостаточностью доказательств». Очевидно, что вопрос о допустимости применения альтернативных уголовному преследованию мер во многом зависит от того, какой из указанных принципов лежит в основе правовой системы того или иного государства. При этом в литературе отмечается тенденция к постепенному вытеснению принципа законности началом целесообразности даже в тех государствах, которые традиционно применяют именно принцип законности. Принцип целесообразности в определенном смысле может стать обоснованием применения медиации в некоторых делах, если компетентные органы посчитают возможным без ущерба правосудию передать дело на разрешение иным способом [10, с. 37]. В уголовно-процессуальном законе принцип целесообразности мог бы быть сформулирован и закреплен в виде ст. 7.1 УПК РФ. Правильное понимание и применение принципа целесообразности обеспечит вполне органичное его взаимодействие со всеми демократическими началами уголовного судопроизводства, в том числе и с принципами законности, публичности, презумпции невиновности, объективной истины [11, с. 11–20];

3) Необходимо разграничить случаи применения ст. 25 и 28 УПК, а именно ст. 25 УПК РФ должна применяться по делам небольшой и средней тяжести, совершенным впервые, там, где потерпевшим является физическое лицо; по делам о двубъектных преступлениях той же категории должна применяться ст. 28 УПК РФ;

4) Выражениями логики цивилизационного развития являются глобализация и конвергенция. Суть объективного процесса конвергенции частного и публичного права состоит во взаимопроникновении частноправового и публично-правового методов правового регулирования, что с неизбежностью порождает согласительные процедуры в уголовно-процессуальном праве. Наиболее типичными проявлениями конвергенции частного и публичного права становится новое соотношение элементов частно- и публично-правового регулирования. Главной особенностью содержания проникновения частного права в публичную сферу уголовного судопроизводства является стимулирование при помощи договорно-правовых средств индивидуально-волевого начала возникновения, содержания и реализации отношений между частными и публичными, только между публичными или частными субъектами [12, с. 9]. В связи с этим представляется обоснованной постановка вопроса об использовании в уголовном процессе уголовно-процессуальных договоров в следующих случаях: договор по итогам примирения по ст. 25 УПК РФ; договоры, используемые в главе 40, 40.1; договор о возвращении вещественных доказательств, о принятии мер попечения о детях и т. д. [13, с. 36–38] Как представляется, предложения об использовании в уголовном процессе специального

уголовно-процессуального договора не являются волюнтаризмом. Такой договор будет защищать интересы заключивших его сторон, внесет во взаимоотношения его участников большую определенность, обеспечит возвращение имущества;

5) С 2011 г. действует ФЗ от 27.07.2010 № 193 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Несмотря на то что в специализированной литературе указывается на некоторые пробелы этого закона [14–19], нами он оценивается как вполне удачный. Правовая природа статьи 25 УПК РФ имеет черты, роднящие ее с гражданско-правовыми нормами (заглаживание вреда сходно с возможностью простить долг, а мировое соглашение может рассматриваться как договор, не поименованный в ГК РФ), в связи с этим необходимо распространить действие ФЗ от 27.07.2010 № 193 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» на разрешение уголовно-правовых конфликтов (в настоящее время процедура медиации не может применяться для урегулирования уголовно-правовых конфликтов (п. 5 ст. 1 указанного ФЗ)). Затем необходимо будет в ст. 5 УПК РФ регламентировать такую юридическую категорию, как «медиационное соглашение», а также ввести в УПК РФ новую главу «Прекращение уголовного дела путем заключения медиационного соглашения», в которой следует закрепить процедуру заключения примирительного соглашения между потерпевшим и подозреваемым (обвиняемым), проверку следователем примирительного соглашения на предмет законности его заключения, а также последующее его направление в суд для принятия итогового решения [20];

6) Необходимо внести изменения в ст. 144 УПК РФ (аналогичные тем, которые были произведены в ч. 7 ст. 158 АПК РФ и ч. 1 ст. 169 ГПК РФ), а именно: продлить срок проверки оснований для возбуждения уголовного дела до 30 дней при выраженном сторонами желании примириться и при наличии других определенных условий [21, с. 855–857];

7) Нам кажется принципиальным, что в современных условиях функцию примирения не может осуществлять следователь или дознаватель. Современные критерии оценки деятельности этих субъектов делают примирение для них непривлекательным. Следователь/дознаватель стремятся возбуждать только те дела, которые имеют хорошую судебную перспективу [22, с. 117–119]. Таким образом, в качестве ведущего медиационных встреч должен быть медиатор;

8) При достижении примирения сторон с помощью медиатора подписывается медиационное соглашение, исполнение которого далее контролируется организацией, предоставившей медиатора. Решение о примирении, записанное в соответствующем соглашении, обязательно для следователя, в таких случаях он должен отказаться от возбуждения уголовного дела. Если примирения по тем или иным причинам достичь не удалось, следователь возбуждает уголовное дело, и далее расследование происходит в общем порядке. Примирение, однако, может быть использовано и в дальнейшем по этому же делу, если стороны выразят желание примириться;

9) По преступлениям небольшой и средней тяжести, совершенным повторно, а также по делам тяжким и особо тяжким при согласии потерпевшего и подозреваемого/обвиняемого медиация должна применяться как дополнение к обычной процедуре расследования и рассмотрения дела. При достижении определенных договоренностей, закрепленных в медиационном соглашении, судья должен будет учитывать согласие на участие в медиации как смягчающее обстоятельство.

Библиографический список

1. Лазарева В.А. Негативные последствия грядущих изменений в процедуре дознания // Уголовный процесс. 2012. № 3.
2. Стандарты восстановительной медиации. URL: <http://www.mediator2009.narod.ru/standarti.html>.
3. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа, 2002.
4. Максудов Р. Восстановительная медиация: на пути к разработке концепции // Вестник восстановительной юстиции. 2010. № 7.
5. Великоцкая А. И кто же жертва // Вестник восстановительной юстиции. 2010. № 7.
6. Карякин Е.А. Медиационные процедуры в современном уголовном судопроизводстве России: необходимость и неизбежность // Уголовное судопроизводство. 2009. № 2.
7. Брейтуэйт Дж. Преступление, стыд, воссоединение. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2002.
8. Restorative justice: the evidence [Электронный ресурс]. URL: http://www.esmeefairbairn.org.uk/docs/RJ_full_report.pdf.
9. Черданцев А.Ф. Системообразующие связи права // Советское государство и право. 1974. № 8.
10. Арутюнян А.А. Концепция восстановительной юстиции и медиации в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского государственного университета. Сер.: Право. 2011. № 5.
11. См. подробнее: Апостолова Н.Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011.
12. Абшилава Г.В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве РФ. М.: Юрлитинформ, 2012.
13. Муратова Н.Г. О проблемах уголовно-процессуальных договоров // Правосудие в Татарстане. 2011. № 4 (48).
14. Максимова Е.Ю. Медиация в условиях современной России: проблемы и перспективы // Юридический мир. 2011. № 6. С. 56–58.
15. Аболонин В.О. Три подхода к пониманию медиации // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 10. С. 39–41.
16. Нахратов В. 100 дней закона о медиации // Домашний адвокат. 2011., № 10. С. 7–8.
17. Панова И.В. Медиация: проблемы и пути их решения // Вестник Высшего Арбитражного суда РФ. 2011. № 10. С. 75.
18. Елисеева А.А. Институт медиации в условиях инновационного развития российского общества // Журнал российского права. 2011. № 9. С. 34–37.
19. Михайлова Е.В. Альтернативное разрешение споров: учеб. пособие. Самара: Самарский государственный университет, 2011.
20. Ильютченко Н. Примирение сторон как основание профессионализации института представительства в уголовном процессе: мат-лы междунар. молодежного науч. форума «Ломоносов-2012» / отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов[и др.] [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2012. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см.
21. Павлушина А.А., Пономаренко В.А. Примирительные процедуры в уголовном процессе: история и современность // Уголовное судопроизводство: теория и практика / под ред. Н.А. Колоколова. М., 2011.
22. «Правовое обеспечение практики восстановительного правосудия: мировые тенденции и перспективы в России»: мат-лы научн.-практ. конф. / подг. М.Г. Флямер // Государство и право. 2003. № 9.

L.A. Shestakova*

**TO THE QUESTION OF THE POSSIBILITY OF USE OF RESTORATIVE
PROCEDURES IN THE CRIMINAL PROCEDURE OF RUSSIA**

The article deals with the emergence and development of the concept of restorative justice, as well as mediation procedure as one way of implementation of the given concept.

Key words: restorative justice; mediation; criminal justice.

---

* Shestakova Lyubov Alexandrovna (lyuboshestakova@yandex.ru), the Dept. of Criminal Procedure and Criminalistics, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.